

НАКАНУНЕ ПЕЧАЛЬНОГО «ЮБИЛЕЯ»**Э.Р.ИСМАИЛОВ***Бакинский Государственный Университет*

В следующем году исполняется 70 лет с начала событий, обозначаемых казалось обычным календарным годом – 1937 годом начала массовых репрессий в СССР. Хотя с приходом большевиков к власти в 1917 году в стране репрессии по политическим обвинениям стали обычным делом вплоть до смерти Сталина в 1953 году, такого, что связано с датой 1937 год не знала, быть может, даже мировая история. Следует оговориться, что, говоря о массовых репрессиях 1937 года, мы вправе присовокупить к ним и 1938 год. Как бы то не было, оба эти года можно назвать кульминацией политических репрессий, унесших по всей стране сотни тысяч жизней. Согласно архивным данным Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ) за 1937-1938 годы по политическим мотивам в стране было арестовано 1.575.259 человек.⁽¹⁾ Значительная часть их была расстреляна. Без преувеличения эти годы можно назвать геноцидом против собственного народа. Не вдаваясь в причины кровавой вакханалии, отметим лишь то, что, как и во всей стране, организатором и вдохновителем развязывания репрессивной истерии в Азербайджане было высшее советское руководство и, прежде всего, Сталин. Между тем долгие годы у нас в Азербайджане упорно культивировалось мнение, что главным виновником разыгравшейся у нас трагедии был тогдашний руководитель республики Мир Джафар Багиров. Это вполне устраивало общесоюзное руководство, которое организовав в 1956г. судебный процесс над опальным бывшим первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, предъявив ему главным образом обвинения в участии в массовых репрессиях 1937-1938г.г., приговорила к высшей мере наказания. Эта версия причин массовых репрессий в Азербайджане заняла прочное, устойчивое место в сознании людей. Хотя и не единственная, она, как и все другие версии, основана на поиске причин лишь в пределах самой республики. Как правило, не учитывалось то, что Азербайджанская ССР была составной частью единого, по сути унитарного государства, где «суверенное» право какой-либо республики на развертывание массовых, пусть даже политических репрессий отсутствовало. Вся проблема состоит в том, что до сих пор в Азербайджане трагические годы Большого террора не получили в свое время политической оценки в документах коммунистической партии Азербайджана, затем Парламента независимой Азербайджанской Республики, должного освещения в научной литературе прошлого и настоящего и даже в публицистике. Для большинства современников массовые репрессии – это гибель плеяды видных руководящих партийных и советских работников, деятелей литературы и искусства. На деле же речь идет

о десятках тысяч людей, в плановом порядке уничтоженных беспощадной, созданной специально, применительно к этому времени репрессивной системой.

В отличие от того, как обстоит это дело у нас, в России давно уже ведется большая и плодотворная работа по изучению всего механизма массовых репрессий 1937-1938 гг. Занимаясь своим прошлым, российские исследователи невольно выполняют и часть той работы, которой положено бы заниматься нам. Конкретным примером этого может служить изданный в 2004 году в Москве сборник документов под общим названием: «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938 гг.». В сборнике помещены сотни документов, извлеченных из различных московских архивов, большинство из которых опубликовано впервые. Знакомство с этими документами дает основание для более глубокого, чем прежде, осмысления технологии осуществления Большого террора. Сборник содержит ряд документов, свидетельствующих о том, как ЦК ВКП(б) осуществлял контроль за развертыванием репрессивной кампании в Азербайджане.

С начала 1937 года по команде из Москвы в Азербайджане, впрочем, как и по всей стране, начались массовые аресты людей, причисленных к кулакам, антисоветским, контрреволюционным, националистическим элементам. Число арестованных было столь велико, что осуждение их путем быстрого применения обычных норм отправления правосудия через суды стало невозможным. Не справляясь с этим и Особое Совещание, действующее при Наркомате внутренних дел СССР. В этой связи с июля 1937 года на местах стали создаваться «тройки», в составе представителей НКВД, прокуратуры и партийных органов. Такая «тройка» 10 июля 1937 года была создана постановлением политбюро ЦК ВКП(б) и в Азербайджане в составе Ю.Сумбатова, Т.Кулиева и Д.Ахундаде. В этом же постановлении утверждается количество людей, подлежащих конкретным видам наказания: расстрелять – 1500 человек, направить на поселение в восточные районы страны 3750 человек, заключить в лагеря НКВД членов 150 семейств.(2)

30 июля 1937г. нарком внутренних дел СССР Николай Ежов издает оперативный приказ, в котором устанавливает норму на репрессии по политическим мотивам для всей страны с разбивкой по республикам, краям и областям. Всего в ближайшие месяцы подлежало аресту и осуждению «тройками» 275 000 человек. В приказе отмечалось, что по первой категории, иными словами к расстрелу должны быть приговорены 82. 700 человек, к длительным срокам заключения 193.000 человек. Норма для Азербайджана устанавливалась в соответствии с постановлением политбюро ЦК ВКП (б) от 10 июля 1937г.(3)

Другой документ представляет собой «Записка» Л. Берия, работавшего тогда секретарем ЦК Компартии Грузии, на имя Сталина, датированная 20 июля 1937 г., в которой он, в частности, сообщает о существовании созданного бывшим председателем Совнаркома СССР А.Рыковым Закавказского центра правых, куда якобы от Азербайджана входили Мирза Давуд Гусейнов и Алигейдар Караев. Оба они тогда работали в Москве. И будто бы создали азербайджанский центр непосредственно в республике в составе Бунятзаде, Ага Султанова, Султан Меджида Эфендиева, Довлатова, Бабаева и себя. Этот центр, как и центры грузинский и армянский, по информации Берия, «вели работу по

сколачиванию контрреволюционных кадров для вредительства, шпионажа, диверсий, готовили вооруженное восстание «в момент начала войны».(4) Нетрудно понять, почему вскоре все перечисленные Берия лица были арестованы и уничтожены.

Примечательна шифрограмма Сталина в адрес ЦК Компартии Азербайджана от 26 сентября 1937 года, в которой дается указание о развертывании массовых репрессий в одной из конкретных частей Азербайджана – Нахичеванской АССР. Санкционировав арест двух братьев – председателя Совнаркома Азербайджанской ССР Усеина Рахманова и первого секретаря Нахичеванского областного комитета партии Гасана Рахманова Сталин далее пишет: «Просим вас очистить Нахичеванскую республику, загаженную Гасаном Рахмановым, от всякой нечисти. Имейте в виду, что Нахреспублика является наиболее опасным пунктом во всем Закавказье. Нужно поставить там настоящее большевистское проверенное руководство. Юсиф Касимов будет направлен к вам».(5) Интересно, что рекомендуя Юсифа Касимова как проверенного большевика, Сталин вскоре дал добро на арест и осуждение Касимова, который провел в заключении 17 лет.

У Сталина и советского руководства, как об этом свидетельствуют материалы сборника, было однозначно негативное отношение к проживающим на территории СССР лицам иностранного происхождения. Чего стоит, например, постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 года с характерным названием «О продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности». В этом документе прямо указывается на продолжение арестов «поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, китайцев, и румын как иностранноподданных, так и советских граждан».(6) Или другое постановление Политбюро от 23 марта 1938 года, где прямо сказано: «Признать ненормальным, что на предприятиях, в главных управлениях и в центральном аппарате Наркомата Обороны, Промышленности работает большое количество немцев, поляков, латышей, эстонцев. Поручить т.т. Ежову и Маленкову совместно с тов. Когановичем очистить оборонную промышленность от лиц указанных национальностей».(7)

Можно предположить, что включение в число самых неблагонадежных национальных групп азербайджанцев иранского происхождения было связано именно с позицией Сталина. Это подтверждает и одна из записок Сталина Ежову в начале 1938 года. В записке, безотносительно к ее основному содержанию Сталин вдруг неожиданно вопрошает: «Что сделано по выявлению и аресту всех иранцев в Баку и в Азербайджане?». И уже через два дня последовало соответствующее постановление Политбюро.(8) Трагично звучат его строки. Приводим их полностью:

«1. Предложить ЦК КП (б) с СНК Азербайджана немедля поставить в известность всех граждан приграничных с Ираном районов об оформлении подданства в течение 10 дней в том случае, если эти граждане считают себя подданными Ирана.

2. Всех тех граждан, которые оформят советское подданство, переселить в месячный срок в Казахстан.

3. Все те граждане иранцы, которых откажут от перехода в советское подданство и пожелают остаться подданными Ирана, подлежат немедленному выселению в Иран и в случае отказа – аресту».(9)

В результате этого 15 000 человек, имевших иранское гражданство, оказались перед выбором: оформить свой выезд в Иран, принять советское гражданство и оказаться выселенными в Казахстан или быть арестованными с последующим осуждением.(10)

31 января 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) устанавливает новую норму «дополнительного количества подлежащих репрессиям» по отдельным республикам, областям и краям. На этот раз в ближайшие три месяца в Азербайджане надлежало расстрелять 2000, приговорить к длительным срокам заключения 1000 человек.(11)

Материалы сборника документов свидетельствуют, что очень часто Сталин, определяя направление и масштабы репрессий, оказывался в плену прежних, даже дореволюционных представлений. Известно, что до революции Сталин часто бывал в Баку, активно участвовал в деятельности большевистской партии и, тем самым у него складывалось свое представление о раскладе политических сил в Азербайджане в те годы. Обладая незаурядной памятью, он часто проецировал свои представления на современную ему ситуацию. Так, например, он полагал, что сильное влияние эсеров на людей в начале века не могло бесследно исчезнуть. С этим связано его письмо Ежову, датированное 17 января 1938 года. В этом письме Сталин вспоминает, в частности, что «свое время эсеры были очень сильны в Саратове, в Тамбове, на Украине, в армии (комсостав), в Ташкенте и вообще в Средней Азии, на Бакинских электростанциях, где они и теперь сидят и вредят в нефтепромышленности (12). Уже 10 февраля 1938 года Ежов информирует Сталина, что «в связи с вашими указаниями о разгроме эсеровской организации», по Союзу ССР установлено «существование широко разветвленной объединенной эсеровской организации в значительной части районов Советского Союза», в том числе в Архангельской, Уральской области, Москве, Алма-Ате, Саратове, в армии. Ежов докладывал, что еще в 1937 году было арестовано 25 218 эсеров, а уже только с 18 по 25 января 1938 года, то есть после письма Сталина еще 11349 эсеров. При этом за указанную неделю в Азербайджане арестовано 15 человек (13).

Сборник содержит немало документов косвенно свидетельствующих об истоках невиданной трагедии, разыгравшейся в Азербайджане в 1937-1938 годах. Собственно говоря, знакомство со всем сборником раскрывает смысл массового террора тех лет, механизм его осуществления. Они доказывают, что это была глубоко продуманная, целенаправленно осуществленная террористическая операция. Она ясно удостоверяет, кому принадлежит авторство сценария разыгранного кровавого, страшного детектива, в котором четко были расписаны роли, определены карательные функции и объекты преследований. При этом в каждом отдельном случае были учтены особенности регионального, республиканского, национального и даже этнического факторов. Правда, нет оснований считать, что сборник содержит исчерпывающую документальную информацию по проблеме. И видимо, работа в этом направлении может быть продолжена. Тем более, что объем информации о взаимоотношении центральной союзной и

республиканской властей в процессе осуществления массовых репрессий явно недостаточен. Но, тем не менее, очевидно, что инициатива, стимулирующая и регулирующая роль во всех случаях, принадлежала Москве. И, все же, осмысление в комплексе происшедшей трагедии возможно лишь извлекая на поверхность все новые и новые документы.

Тем более это имеет особое значение для нас – азербайджанских историков, поскольку нам важно иметь научное, а не дилетантское освещение прошлого, если мы желаем, чтобы широкая читательская аудитория приобщилась к подлинному историческому знанию, а не к отрывочным, неправдоподобным, основанным на слухах, сведениям. Это более всего относится к советскому периоду нашей истории. И в этом отношении у нас есть к кому брать пример. Я имею в виду, прежде всего, работу, проводимую архивными учреждениями Москвы. Перечислю лишь несколько изданных ими в последние годы сборников документальных материалов, не считая уже упомянутого издания: «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. 1919-1952 гг. т.1-3. Каталог. М., 2000-2001»; «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953, Сборник документов. М., 2002»; «Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. т.1, Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2004»; «ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945-1953. Сборник документов, М., 2004»; «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940. Книга 1. М., 2005»; «ЦК РКП(б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918-1933 гг. М., 2005»; «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940. Книга 1, М., 2005». Этот список можно продолжить. В издании этих сборников приняли участие все ведущие архивы Москвы. Но особые заслуги принадлежат, безусловно, двум архивным учреждениям, на базе уже упомянутого бывшего партийного архива, бывшего Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС: Российскому государственному архиву социально-политической истории (РГАСПИ), в котором хранятся документы советской истории до 1952 г., и Российскому государственному архиву новейшей истории (РГАНИ), где содержатся документы, относящиеся к событиям после 1952 года. Мне довелось недавно работать в этих архивах. Поразило то, что эти архивы, как и прежде, работают в полном объеме не просто как кладовые для хранения материалов о прошлом, а как подлинные научные учреждения, где трепетно относятся к каждому документу, где открыт широкий доступ для профессионалов-историков и для тех, кого просто интересует прошлое, даже на любительском уровне. И что очень важно, в этих архивах работает огромная армия научных работников, труд которых относительно хорошо вознаграждается. Все это меня поразило, прежде всего потому, что мне невольно приходит на ум сравнение с нашими архивами, и прежде всего тем, который у нас нарекли Государственным архивом политических партий и общественных движений. Некогда это учреждение являлось архивом Института истории партии при ЦК Компартии Азербайджана – филиала Института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС. Это был ведущий архив республики. Таким по объему архивных материалов он остается и теперь, но отношение к нему не идет ни в какое сравнение с отношением к тем московским архивам, о которых говорилось выше. Прежде всего потому, что государство перестало относиться к нему как к научному учреждению. В

результате сегодня мы практически имеем дело с обычной кладовой для хранения документов. Но документы – это не старый велосипед или допотопный советский холодильник марки «Саратов», который можно хранить и в погребе. Между тем, никаких специальных условий хранения в архиве нет. Папки с документами пылятся и желтеют в непригодных помещениях. Само здание архива, некогда отстроенное для плодотворной научно-поисковой работы, нуждается в капитальном ремонте и обновлении. Зимой в нем чувствуешь себя как в холодильнике, а летом как в сауне. Исследователю трудно выдержать климатический форс-мажор в читальном зале архива. И это главная причина, почему люди так неохотно посещают архив, в котором можно нажить любую болезнь. Минимальные размеры заработной платы, установленные для архивных работников, привели к тому, что на постоянную работу ученые сюда не идут. В этих условиях можно ли ожидать, что в ближайшие годы мы сможем использовать богатейшие ресурсы архива для той работы, которая ведется в Москве? Что-то не верится. Неужели таково наше отношение к прошлому? Я беседовал на эту тему с директором архива господином Маисом Багировым, сотрудниками архива. Вывод напрашивается один. Отношение к архивному делу вообще, как и к этому архиву в особенности, должно в корне измениться. Во всяком случае, Государственный архив политических партий и общественных движений должен получить статус научного учреждения со всеми вытекающими последствиями. Бюджет архива должен быть увеличен. Это привлечет для работы в нем профессиональные кадры. Бюджет архива должен резко увеличиться. Это позволит серьезно улучшить условия хранения документов. Работа архива должна быть построена по принципу выполнения государственных заказов. Об этом следует задуматься тем, кому в системе государственного управления поручено курирование архивной системы. Тогда лишь мы можем надеяться на выпуск сборников документов, аналогичных московским изданиям. И нам есть что обнародовать. Ведь ГАППОД содержит богатейший, интереснейший материал. Это я утверждаю как человек многие годы терпевший в стенах наших архивов холод и зной, лишенный возможности перекусить в связи с отсутствием буфетов и отправить естественные нужды в связи с непотребным состоянием помещений, обозначаемых буквами «М» и «Ж». Мне могут ответить, что государство сегодня необходимыми ресурсами не располагает. С этим уже трудно согласиться. Помимо этого существует возможность использования не только внутренних ресурсов, но и средств зарубежных спонсоров. Кстати, московские архивисты для своей работы сумели привлечь средства иностранных гуманитарных научных центров. И мы в состоянии это сделать. Нужно лишь проявить инициативу. Но, прежде всего, следует научиться уважать свое прошлое, каким бы оно не было, и при этом не на словах, а на деле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004, с. 659-660
2. Там же, с. 241
3. Там же, с.275-276
4. Там же, с. 252
5. Там же, с.380

6. Там же, с.468
7. Там же, с.502
8. Там же, с.463-464
9. Там же, с. 464
10. Там же, с. 653
11. Там же, с. 467
12. Там же, с. 463
13. Там же, с. 488

BƏLALI «YUBİLEY» ƏRƏFƏSİNDƏ

E.R.İSMAYILOV

XÜLASƏ

Bəlalı “Yubiley” ərəfəsində” adlı məqalədə, Moskvada 2004-cü ildə nəşr edilən “Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД 1937-1938” sənədlər toplusunda Azərbaycana aid materialların təsvirinə və təhlilinə yer verilir. Həmin sənədlər toplusunda 10 iyul 1937-ci il “Antisovet elementlər barədə” VKP (b) MK-nin Siyasi Bürosunun qərarı, 20 iyul 1937-ci il tarixli Beriyanın Stalinə məktubu, 26 sentyabr 1937-ci il tarixli Stalinin M.Bağirova ünvanladığı teleqram və digər sənədlər xüsusi diqqət cəlb edir. Məqalədə müəllif isbat etməyə çalışır ki, 1937-1938-ci illərdə Azərbaycanda baş verən kütləvi repressiyalara rəvac verən Stalin rəhbərliyi idi və bilavasitə onun tərəfindən istiqamətləndirilirdi. Məqalədə ölkədə tarix elminin bu inkişafı üçün Moskvada nəşr edilən bu tipli sənəd toplusunun yaradılmasının vacibliyi göstərilir və qeyd edilir ki, indiki arxiv sistemin yeniləşməsinə böyük ehtiyac duyulur.

ON THE EVE OF SAD ANNIVERSARY

E.R.İSMAYILOV

SUMMARY

The information concerning Azerbaijan and published in the collection of documents “Lubyanka. Stalin and central administrative board of NKVD. 1937-1938” are narrated and analyzed in the paper “On the eve of sad anniversary”. This collection of documents has been issued in Moscow in 2004. In this collection of documents the special attention is focused on the decision of the Political bureau of Central Committee of VKP (b) from July 10, 1937 “About anti-soviet elements”, also on the letter of Beriya addressed to Stalin from July 20, 1937 and Stalin's telegram to M.D. Bagirov from September 27, 1937 and other documents.

The paper's author tries to prove that mass repressions in Azerbaijan in 1937-1938 have been initiated by Stalin and managed directly by him.

The importance of documents' collections issued in Moscow is marked at the present paper and also specially underlined the necessity of improvement the archival system in Azerbaijan.